

УДК 355:94"15/18"

Организационная структура крымскотатарского войска (XV–XVIII вв.)

А.А. Шейхумеров

(Крымский федеральный университет)

В статье рассматриваются составные части войска Крымского ханства – ханские гвардейцы, нукеры знати, рядовые воины и слуги. Показано развитие и эволюция ханской гвардии, прошедшей путь от конных отрядов служащей непосредственно хану знати до небольшой регулярной армии, включавшей в себя пехотные и артиллерийские части, а также ее структуры, этнического и социального состава. Указано на важную роль, которую играли в военных кампаниях ханства нукеры крымской аристократии. Уделено внимание вооружению воинов, принадлежавших к различным частям крымскотатарского войска. Дана трактовка терминам «ратные люди», «беш-эвли» и «ясак», используемые в ряде источников применительно к крымскотатарским воинам. Рассмотрены категории лиц, принадлежавших к вспомогательному компоненту ханской армии – конюхов, слуг, охранявших ясырь и имущество воинов и добытчиков, отправлявшихся на войну для грабежа. Автор приходит к выводу, что сведения о плохом вооружении крымских воинов, излагаемые рядом современников ханства, относятся к слугам, сопровождавшим само войско и, как правило, не участвовавшим в боях.

Ключевые слова: Крымское ханство, военное дело крымских татар, вооружение, история Восточной Европы, сеймены

Для цитирования: Шейхумеров А.А. Организационная структура крымскотатарского войска (XV–XVIII вв.) // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 321–337.

Историография военного дела в Крымском ханстве все еще изобилует белыми пятнами. Хотя в последние годы появилось ряд серьезных исследований о тактике, стратегии и организации военного дела крымских татар [11; 58; 89; 92; 93], однако вместе с тем ряд важных вопросов, связанных с функционированием крымской военной машины, по-прежнему остается малоизученным. Это касается и организационной структуры крымскотатарского войска.

Как и любая другая армия, войско Гиреев состояло из различных компонентов, отличавшихся между собой по способу комплектования, вооружению, выполняемым задачам и уровню боеспособности. Можно выделить следующие структурные составляющие крымскотатарского войска: ханская гвардия (отряды служилой аристократии и сеймены/секбаны); нукеры беев, мурз и султанов; рядовые воины, выставляемые на войну от определенного количества семей; слуги воинов (чоры и ат огланы) и добытчики (люди, отправлявшиеся на войну для грабежа).

Ханская гвардия. Личные войска крымских ханов, представлявшие собой конные, пехотные и артиллерийские части, были основой крымских вооруженных сил. Их историю мы можем разделить на три этапа. Первый – с XV по 20-е годы XVI века, когда ханы опирались лишь на конные отряды, выставляемые служилой аристократией. Второй – с 20-х до 80–90-х годов XVI века – появление на ханской службе пехоты, как постоянной гвардии, так и временно мобилизуемых пехотинцев. Третий – XVII–XVIII века – превращение капы-кулу в феодальную конницу и слияние ее с прежней служилой аристократией, и создание параллельно с теперь уже конными гвардейцами пеших регулярных войск.

Первый этап. С первых десятилетий существования ханства Гиреи были заинтересованы в создании войска, которое служило бы противовесом огромному влиянию крымской знати на внутреннюю политику государства. Первоначально единственной военной опорой ханской власти были аристократы, состоявшие на службе непосредственно у хана (*ички беглери* – внутренние беки). За эту службу они получали земельные наделы и получали статус тарханов в обмен на обязательство содержать конные отряды, которые выступали бы против внешних и внутренних врагов хана. Привлекали крымские ханы к подобной службе не только мусульман. Первый крымский хан Хаджи I Гирей (1441–1466) принимал на службу множество христиан, в том числе и поляков [112, с. 3–4]. Традицию включения в состав личных войск хана христиан продолжал и его преемник, Менгли I Гирей (1466–1515), принявший на службу френккардаши (живших в Крыму христиан-черкесов). По словам д'Асколи, «Иные же (френккардаши) остались при дворе хана, даровавшего им селение, называемое Сивурташ, то есть остроконечный камень, которое до сих пор существует и заметно издали. Хан дал им также бея той же национальности, называвшегося Сивурташ-беем. Хан очень дорожил ими и отправлял их в качестве послов в Польшу и к другим христианским государям; сделал их всех спагами, то есть придворными дворянами. Со временем бей перешел в магометанство, многие

последовали его примеру» [54, с. 128]. В правление Мехмеда I Гирея (1515–1523) численность гвардии доходила до 3 тысяч человек [72, с. 392].

К 10-м годам XVI века относится первое известное нам упоминание о попытках реформирования ханской конной гвардии (по крайней мере, части ее). В 1516 г. среди прочих крымских войск, участвовавших в набеге на литовские земли, упоминаются 200 воинов, «одетых в железные доспехи как немцы» [75, с. 909] («Tatarów dwieście wszyscy w blachowe zbroje nad obyczaj jako Niemcy uzbrojeni» [116, с. 389]). Учитывая стоимость закупки (или создания) такого количества доспехов, мы можем предположить, что эти воины были именно частью сил самого хана. При этом заметим, что в Крыму и прежде пользовались спросом доспехи европейского образца. Так, Менгли Гирей в 1504 г. просил у великого князя московского Ивана III выслать к нему «пансырь легок, крепок, чтобы его стрела не яла, немецкой краковской» [66, с. 517]. Вполне возможно, что создание отряда тяжеловооруженной конницы было попыткой ответить на превосходство польско-литовских войск в тяжелой коннице. Однако экспериментальный отряд был разгромлен противником, и, по всей видимости, в Крыму к идее создания подобных отрядов уже не возвращались. «Впрочем, очевидно, что эти нововведения мало согласовывались с традиционной тактикой татар, в которой скорость и их традиционное оружие были более эффективными, чем заимствованные из немецких земель элементы рыцарской военной культуры» – считал П. Кулаковский [40, с. 76]. По мнению О.В. Билецкой, увеличение количества защитного снаряжения в Крымском ханстве в правление Менгли Гирея было связано с расширением его влияния на все Северное Причерноморье [10, с. 74]. Среди крымской элиты продолжали использоваться комплекты панцирного защитного снаряжения, в том числе европейского. Михалон Литвин писал, что после битвы у Сокала (1519) крымские татары увезли «к себе в Таврику обгаренные кровью доспехи воинства нашего» [49, с. 68]; о широком использовании крымцами трофейного снаряжения писал Броневский [91, с. 83].

Большая часть ханской гвардии погибла в результате нападения ногаев на крымское войско под Хаджи-Тарханом в 1523 г., и новый хан, Саадет I Гирей (1524–1532), получил от турецкого султана 500 янычар, ставших опорой его власти [100, с. 453].

Второй этап. Саадет Гирей стал первым крымским ханом, кто не только имел в своем распоряжении личное пехотное войско, но и стал принимать на службу в качестве мушкетеров местное крымское население. Причина подобного шага ясна – коль уж опорой хана были мушкетеры, но турецкие, для восполнения присланного отряда нужно было прибегать к внутренним ресурсам. Ярлык Саадета Гирея, раскрывающий некоторые подробности службы пеших гвардейцев хана, демонстрирует привилегированное положение этих воинов. Стрелки Саадета Гирея становились тарханами, то есть не несли никаких повинностей и не платили налогов. Также не только они, но и члены их семей получали освобождение от службы в феодальном войске (в ярлыке перечислено 11 мужчин, бывших кровными родственниками 3 тарханам, все 11 освобождались от воинской службы). Взамен они должны были служить хану и его преемникам, то есть срок службы ограничивался разве что смертью, ранением или старостью. Хан провозглашал в ярлыке: «да не требуют и не берут с сих наших тарханов оброк, называемый ясак; да не хватают для гоньбы подвод, лошадей их на подводы, овец и ягнят; да не едят кормов их и (денег) кормовых; да не ставят в дома их постой насильно; да не требуют и не взимают насильно на роту мою, на эскадрон, на тысячу, на тьму, на слуг, на дело мое; да не берут рабов их, невольников, семейство и что бы то ни было их, да не требуют и не берут тамги и весового при сделанной ими продаже и купле; да не налагают называемые «подушные»; да не берут даром для казенных амбаров хлеб; да не заставляют ставить, говоря «солдат у тебя с дому следует»; почему бы то ни было да не причиняется насилие, притеснение, обида и беспокойство» [9, с. 21].

По-настоящему широкий (в крымских масштабах) размах формирование пехотных войск приобрело в правление Сахиба I Гирея (1532–1551). Он прибыл в Крым с турецким эскортом, включавшим в себя «60 топчу, 300 джебеджи, 1000 сейменов, 40 человек других воинов, 30 чавушей и 60 человек государственных служащих» [83, с. 37]. Эти силы (получившие название капы-кулу) Сахиб Гирей дополнял набираемыми в Крымских горах татскими мушкетерами (тат тюфекчи), называемыми также «мушкетерами на жаловании» (улуфели тюфекчи). Почему же именно таты? Это было вызвано тем, что ханы не могли набирать войска во владениях знати без ее согласия. В то же время беи негативно относились к инициативе Сахиба Гирея по найму пехоты в Крыму. По мнению аристократов, хан «стал отовсюду собирать вокруг себя и делать аркебузирами негодяев, способных стать причиной разрушения государства, и множество смутьянов [и] мошеников» [27, с. 79]. Причина подобного отношения ясна – создание ханом собственного боеспособного войска уменьшала его зависимость от карачи и давала ему мощный рычаг давления на знать. Поэтому властители Крыма и прибегали к набору солдат среди татов – горное и южнобережное население полуострова¹ не подчинялось власти какого-либо бея (составляя отдельный Татский иль под ру-

¹ В Крымском ханстве татами называли как южнобережное, так и горное население, в то время как ныне татами называют лишь горных крымских татар.

ководством татского аги), и таким образом беи никак не могли ограничить ханов в их стремлении пополнить ряды своей гвардии.

Сахиб Гирей также создал корпус тюфекчи куллар (рабы-мушкетеры), представлявший собой крымский аналог янычарского корпуса. Как и янычары, тюфекчи куллар отбирались из иноэтничного населения (черкесов и представителей иных кавказских народов). Попадая в Крым в юном возрасте, черкесские мальчики воспитывались в духе личной преданности хану, что в долгосрочной перспективе позволяло заменить неизбежно уменьшающийся отряд турецких янычар. После исчезновения в силу естественных причин прежних янычар именно потомки кавказцев и представляли собой крымских капы-кулу. Эвлия Челеби отмечал, что *хан-кулу* (ханские рабы) состоят из «детей абхазцев, черкесов и грузин», расселились же они в Бахчисарае и его окрестностях [86, с. 101].

Именно в походах Сахиба Гирея пехотные и артиллерийские части начинают играть значимую роль в крымскотатарской тактике. Капы-кулу использовали вагенбург, хороший знакомый соседям Крыма, что позволяло повысить устойчивость пеших войск в бою, особенно при столкновении с кавалерией. Наиболее ярким примером новой тактики Сахиба Герая является битва под Перекопом (1548), где успешная по началу атака ногайской конницы была остановлена огнем ханской пехоты и артиллерии [56, с. 406].

При Девлете Гирее (1551–1577) параллельное существование капы-кулу и улуфели тюфекчи сохранялась. Новый хан прибыл в Крым с традиционным турецким эскортом (600 янычар и 400 кавалеристов) [100, с. 459–460] и также полагался на население Южного Крыма при проведении отдельных кампаний. Таты выступали на войну с согласия турецких властей. Так, в приказе султана кефинскому бею (3 ноября 1552 года) о помощи крымскому хану при планировавшемся им походе говорится: «При проведении [ханом] подобных походов, в соответствии с кануном привлекай в качестве аркебузирова также добровольцев (?) из неверных зиммиев. Составив их реестр, отправляй их [к хану]» [27, с. 124]. В другой раз, «26 августа 1567 г. был издан указ, адресованный кафинскому санджакбею и кадиям Мангупа и Судака, о передаче в распоряжение крымского хана по просьбе последнего при осуществлении им похода на «неверных» 500 аркебузирова, призванных из зиммиев Мангупского и Судакского кадылыков» [27, с. 124]. Число улуфели тюфекчи в отдельных походах могло быть еще большим – германский посол в Стамбуле де Бусбек около 1560 года записал, что из крымских готов «царёк татар, когда выступает в поход, набирает восемьсот мушкетёров-пехотинцев, главнейшую опору своих войск» [6, с. 245]. Пехота Девлета Гирея отличилась в Судбищенской битве (1555), где сумела остановить наступление русской конницы (по мнению В.В. Пенского, ханские стрелки в этой битве были прикрыты вагенбургом [60, с. 47]).

Третий этап существования ханской гвардии начался в правление Гази II Гирея (1588–1608), когда временно набираемые крымчане-тюфекчи превратились в постоянные войска. Хан обзавелся отрядом в 500 мушкетеров, для содержания которых специальный налог в 12 тысяч баранов собирался ежегодно с крымского населения [72, с. 465]. Возможно, тюфекчи Гази Гирея представляли собой прежних улуфели тюфекчи времен Девлета Гирея, оставленных на постоянной службе. Эти воины, известные в источниках XVII–XVIII века как сеймены (секбаны)², представляли собой регулярную пехоту крымских ханов. О том, что тюфекчи Гази Гирея и сеймены позднейших ханов – один и тот же вид войск, говорит и то, что налог на содержание тюфекчи Гази Гирея впоследствии шел на содержание сейменов (правда, поставка баранов была дополнена денежным налогом)³. Однако вместе с тем может возникнуть вопрос. Если уже Сахиб Гирей имел столь необходимую крымскому войску пехоту, то зачем Гази Гирею потребовалось новое войско? Неужели капы-кулу рубежа XVI–XVII веков уже перестали соответствовать своей роли? Объяснение, что хан хотел создать независимый от Стамбула отряд (ибо капы-кулу получали ежегодное жалование от султана) [18, с. 340], не вполне убедительно, ибо зависимость капы-кулу от хана имела более значительные масштабы – ведь именно хан раздавал своим гвардейцам земельные владения, бывшие основой их благосостояния. На наш взгляд, дело в том, что капы-кулу, первоначально представляя собой преимущественно пехоту, в силу своего высокого социального статуса превращались в конное войско (что, конечно, не исключает того, что часть их могла служить пешими). Им давали земельные наделы, они получали жалование из султанской казны, их воспитывали как ближайших соратников хана (капы-кулу были не только воинами, но и чиновниками, администраторами и т.д.). Ряд родов хан-кулу возвысились до того, что именовали себя бейскими (хотя и не признавались в качестве таковых старой аристократией). В середине XVIII века существовали следующие влиятель-

² На наш взгляд, сеймены и секбаны – это название одного и того же рода войск. Секбан («псарь») – указание на их приближенность к монарху (так называлась одна из частей янычарского корпуса османского султана); сейменами же называли войска на жаловании в Османской империи и вассальных ей странах – Молдавии, Валахии и Крымском ханстве. О том, что в Крыму сеймен и секбан были синонимами, говорит и тот факт, что деньги на содержание сейменов назывались «секбан акчеси» [83, с. 37]. В русских, польских и казацких источниках ханские стрелки именуются чаще всего сейменами, в крымских и турецких – секбанами.

³ В 1700 г. Девлет II Герая выдал ярлык, согласно которому деревня Кучук Коясан освобождалась от уплаты ежегодного налога в 10 золотых «стрелково-ружейных денег» и 2 барана [72, с. 466].

ные рода капы-кулу: Кудалак, Олан, Кемаль, Эл, Узик, Каиа, Собла, Авлан, Узме [57, с. 26–27]. При этом стоит заметить, что далеко не все капы-кулу стали зажиточными людьми – некоторые, напротив, со временем обеднели настолько, что жили среди простых крестьян [43, с. 97–98]. Неудивительно поэтому, что уже к правлению Гази II Гирея многие бывшие пехотинцы стали мелкими феодалами и сливались с прежними *ички беглери*. Отсюда – необходимость создания нового пешего войска, имеющего статус не служилой знати, а лишь простолюдинов на постоянной службе.

В тактическом отношении сеймены представляли собой аналог европейских драгун, ибо передвигались вместе с прочим войском верхом на конях, перед боем же спешивались. Вот как описывал действия крымских пехотинцев Эвлия Челеби: «достолавный хан отдал приказ, и все вооруженные ружьями спешились с коней, и пока они завязали перестрелку с кяфирами на берегу заводи, прилегающей к острову, сорок-пятьдесят тысяч татар с криками «Аллах! Аллах!» на конях вошли в заводь, пройдя через камыши и прибрежные топи» [86, с. 41]. Слова Тунманна о том, что сеймены представляли собой 2-тысячный отряд кавалерии [78, с. 23], ошибочны, и могут быть объяснены тем, что информатор Тунманна наблюдал сейменов на марше и отсюда сделал вывод, что они и в бою сражались в конном строю.

Помимо татов для комплектования сейменского корпуса привлекались и жители ханского домена, располагавшегося в окрестностях Бахчисарая. Известно, что в Крыму в правление Селима I Гирея проводилась «опись ружей», которая также была связана с выяснением вопроса о том, кому непосредственно подчинялись жители ряда населенных пунктов – хану или беям [43, с. 114]. Из этого можно сделать вывод о том, что это было связано с вопросом о возможности их привлечения на службу в ханскую пехоту. О том, что ханы при наборе сейменов исходили из критерия независимости рекрута от крымской знати, может говорить и биография одного татарина из Трабзона, который, приехав жить в Крым, явился в Бахчисарай, где был определен ханом Мехмедом IV Гиреем на службу в сеймены. На момент своего пленения казаками он прослужил уже 15 лет [1, с. 97].

О том, что капы-кулу (по крайней мере, большая их часть) в XVII веке стали конным войском, а не прежними мушкетерами, говорят ряд фактов. Так, придворный хронист Ислама III Гирея, Мехмед Сенаи, называл капы-кулу «кавалерийским корпусом» и отдельно от них упоминал стрелков из ружей [42, с. 11]. Эвлия Челеби также рассматривал отдельно пеших стрелков из ружей и капы-кулу [86, с. 220–221], хотя и писал, что первоначально капы-кулу были именно стрелковой пехотой [86, с. 101]. Аналогично и французский консул в Крыму Пейсонель (середина XVIII века) отделял пехоту (сейменов) от служилой аристократии (капы-кулу) [57, с. 26, 31].

Какую же численность имели эти войска? Вплоть до 90-х годов XVII века сеймены насчитывали всего несколько сот человек, как правило, не более полутысячи воинов. Преемник Девлета Герая, Мехмед II Гирей (1577–1584), имел на службе «несколько сот пеших янычар и стрельцов, получаемых в качестве вспомогательных сил от турецкого султана либо принадлежащих хану» [91, с. 81]. Джанибек Гирей (1610–1623, 1628–1635) и Бахадыр Гирей (1637–1641) также имели по 500 мушкетеров [87, с. 481; 51, с. 286]. Можно предположить, что столько же их было и у Ислама III Гирея (1644–1654). Известно, что в 1649 г. этот хан взял с собой на войну с поляками 400 сейменов [22, с. 220] (и, следовательно, 100 оставил в Крыму). В 1651 г. в Крыму было оставлено уже 200 сейменов [16, с. 285]. Мы можем также предположить, что не более пятисот стрелков было и у Мехмеда IV Гирея (1641–1644, 1654–1666). Когда преемник Мехмеда Герая, Адиль Гирей, собрал войско для борьбы с Ширинами, те будто бы заявили, что «Татарские ханы никогда не собирали и пятисот стрелков» [86, с. 223].

Служба в сейменах была наследственной, при этом часть их постепенно обеднела настолько, что едва могла нести тяготы постоянной службы (по-видимому, это было вызвано недостаточно высоким жалованием) [28, с. 711]. Национальный и религиозный состав сейменов был весьма пестрым, включая в себя крымских татар, греков, армян, потомков готов и караимов (офицерами, скорее всего, могли быть лишь мусульмане). Это было предопределено тем, что население Крымских гор было этнически неоднородным. Еще в начале XVIII века посол гетмана Мазепы называл «татами» горных христиан Крыма [52, с. 205]. В XVI–XVIII веках христианское население Крыма по большей части исламизируется, однако пока этот процесс шел, значительная часть ханских гвардейцев была христианами. При этом этнические и религиозные рамки могли не совпадать: среди крымских сейменов попадались такие люди, как «татарин, верою армянин» [1, с. 100], а один белюк-баши (офицер, командовавший полусотней сейменов) был армянином-мусульманином [85, с. 908]. Впрочем, в XVIII веке подавляющая часть сейменов была уже мусульманами. В пользу этого говорит и то, что они маршировали в бой, декламируя аяты из Корана [69, с. 79].

Сам факт того, что крымские ханы набирали свою гвардию частью из христиан, говорит о том, что христиане Крыма считались Гиреями лояльным населением. И те оправдывали возлагаемое на них доверие. Нам неизвестны случаи, когда христиане из состава крымской гвардии дезертировали бы или переходили на сторону врага. В 1663 г. к северу от Перекопа калмыцкий отряд совершил внезапное нападение на ханский лагерь. Им удалось пробиться практически к самой ставке Мехмеда IV Гирея, однако в бой вме-

шались сеймены: «царя и нурадын-царевича отстреляли, сваясь с лошадей, пеши сеймены, и только бы не сеймены, калмыки царя бы взяли» [76, с. 361]. Еще ранее, в 1626 г., сеймены самоотверженно прикрывали переправу крымских татар через Днестр, ведя по наступающим полякам ружейный огонь [94, с. 62].

Вооружение сейменов состояло из ружей и сабель. Оружием их снабжал сам хан. Для оснащения сейменов прибегали как к производству ружей в бахчисарайских мастерских по приказу хана [62, с. 95], так и к закупке их за счет горожан крымских городов путем введения специального налога [34, с. 324–325]. Что касается внешнего вида и униформы капы-кулу и сейменов, то наиболее подробно он был реконструирован Л.А. Бобровым на основе османских изобразительных источников: «На миниатюре к «Шах-наме» Субхи-челеби Талики-заде охранники хана Гази-Гирея (1588–1597, 1597–1608) из состава капы-кулу одеты в шапки с низкой красной тульей и меховой опушкой, красные и зеленые кафтаны с осевым разрезом, синие штаны и сапоги. К поясам капы-кулу подвешены слабоизогнутые сабли («чечуги») с позолоченным эфесом и ножнами. Что касается ополченцев-секбанов, призванных в ряды тюфекчи, то они, вероятно, носили повседневную одежду, дополняя ее соответствующей ружейной амуницией. На османских миниатюрах XVI–XVII веков крымские секбаны часто носят характерные шапки с низкой тульей и широко отогнутыми вверх разрезанными полями. На некоторых изображениях подобные головные уборы украшены перьями» [11, с. 228].

Отдельную категорию гвардии составляла дворцовая стража (капыджи). По предположению С. Фаизова, «копычейским головой» русских источников (иногда ошибочно принимаемый за командира сейменов [51, с. 109]) являлся капыджи баши ага – начальник дворцовой стражи [81, с. 209]. И действительно, московский посланник в Крыму в 1692–1695 годах, Айтемиров, четко различал между собой «копычеев» и «капы-кулов» [14, с. 180, 193]. Капыджи и их униформа были описаны немецким купцом Клееманом, наблюдавшим их в 1768 г.: «высокого росту, у которых были большие колпаки, украшенные позолоченными гербами, изображающими ханское оружие. Кафтаны на них красные и опоясаны широким золоченым поясом, с бляхою на переди такого же металла, шаровары были тафтяные желтые и сапожки сафьянные такого ж цвета. Оружие их состояло в длинной сабле, у коей ножны были позолоченные, и в большем кинжале» [36, с. 63]. Этнически капыджи также были неоднородны, есть упоминания о «жидовском капычее», то есть караиме [14, с. 181] (возможно, прилагательное «жидовский» означало лишь, что данный капыджи служил в Чуфут-кале).

В числе прочих регулярных войск нужно учитывать ханский артиллерийский корпус. В полевых сражениях крымское командование могло использовать от нескольких до 40 орудий, не считая десятков орудий, размещенных в крепостях. Для обслуживания их привлекались сотни артиллеристов, набираемых первоначально из числа турок. Согласно мнению некоторых историков, в крымских топчу служили также и сами крымские татары [109, с. 38]. В 1595 г. хан Гази II Гирей в походе на польское войско располагал 11 орудиями [3, с. 70], в 1683 г. Хаджи II Гирей в боях против казаков использовал 7 орудий [84, с. 341], а в 1546 г. Сахиб Гирей атаковал Хаджи-Тархан, имея 40 орудий [100, с. 460].

Сеймены (секбаны) размещались в Бахчисарае (при хане), Аксмеджете (при калге) [86, с. 140] и в крепостях (Ферах-Керман, Ченишке, Арабат, Гази-Керман). Согласно Эвлие Челеби, в Перекопе размещалось 500 секбанов [86, с. 31], в Арабате – 150 [86, с. 198], в Ченишке – 280 [86, с. 199]. Некоторое количество татов было расселено у Арабата (в конце XVII века в окрестностях Арабата было как минимум три деревни, населенные татами [14, с. 184]), для несения потомственной службы в качестве гарнизонных войск. «Солдаты в этих крепостях большею частью татары, но они в крепости не живут» – писал об Арабате служивший в турецкой армии в Крыму в начале русско-турецкой войне 1768–1774 годов Мухаммед Неджати-эфенди [33, с. 187]. Ханы и в XVIII веке продолжали уделять внимание расселению военных поселенцев. Так, Арслан I Гирей (1748–1756) переселял в Арабат выведенных из-под власти калмыков ногайцев [71, с. 76].

Подобно регулярной пехоте других стран, сеймены проходили систематические тренировки с целью сохранения и повышения навыков владения оружием (в Бахчисарае существовало сейменское стрельбище [74, с. 140]), а также собирались на специальные смотры, устраиваемые ханом [14, с. 204]. Помимо непосредственного участия в боевых действиях сеймены выполняли иные функции, связанные с их статусом личных войск хана: фискальные (сбор налогов) [86, с. 222], военно-полицейские и карательные [14, с. 181].

Капы-кулу в рассматриваемое время представляли собой отборные конные части, имевшие единообразную униформу. Сопровождавшие хана Ислама III Гирея при встрече с союзным казацким командованием в 1651 г. всадники были «все одинаково одеты» [105, с. 264]. В 1649 г. этот хан взял с собой в поход 2 тыс. капы-кулу [22, с. 220–221] (не считая тех, кто остался в Крыму, занимал административные должности или по какой-либо иной причине не мог участвовать в походе). По состоянию на 1666 год (по данным Эвлии Челеби) численность всей корпорации капы-кулу составляла 3 тысячи [86, с. 101]. В 1769 г. хан Крым I Гирей во время похода на Новую Сербию располагал 1600 отборными кавалеристами. «В центре всей линии находилась избранная колонна, подчиненная непосредственно хану и представлявшая теперь, в своем, отличном

от других, блестящем боевом вооружении, живописный и в то же время воинственный вид. Сорок эскадронов конницы, состоявшие каждый из сорока всадников, построившись в две колонны, причем в каждой было по четыре всадника в ряду, двинулись вперед с развевавшимися над ними пестрыми значками – так описывал крымскую конную гвардию барон де Тотт [50, с. 69]. Вооружение этих всадников было значительно лучше, чем у основной массы крымских татар. Уровень снаряжения был сопоставим со снаряжением панцерных хоругвей польской армии, то есть средней кавалерией. По этой причине в битве под Берестечком в пылу боя нельзя было отличить поляка от крымца. Польский очевидец вспоминал: «наши, не теряя мужества, не отступали и смешались с ними до того, что трудно было различить поляков от татар, которые в тот день выехали в нарядных одеждах; наши не могли почти сообразить, кому наносить удары, ибо татарские бунчуки и польские знамена развивались рядом» [25, с. 514]. В XVIII веке среди капы-кулу, как и прочих крымских войск, все более широкое распространение получает огнестрельное оружие, в частности пистолеты. Когда в 1762 г. Крым Гирей выступил из Бахчисарая со своей 2-тысячной гвардией, на вооружении ханских гвардейцев находились ружья, пистолеты и луки [63, с. 268].

Селим I Гирей (в третье его правление, в 1692–1699 годах) резко увеличил численность своей пешей гвардии. Уже в 1693 г. хан имел 34 белюка сейменов по 50 человек в каждом (по штату в белюке были белюк-баши, одабаши, чауш, байрактар и 46 рядовых), общей численностью в 1700 человек, причем 24 белюка находились под непосредственным командованием самого хана, 6 – калги, а 4 – нуреддина [14, с. 204]. Об этом говорит и рост расходов султанской казны на оплату крымских стрелков. Если за участие в османских кампаниях в 1687–1692 годах им платили по 15 тыс. акче за поход, то с 1692 по 1697 годы – 60 тыс. акче, то есть вчетверо больше [97, с. 110–113]. По нашему мнению, причиной этой реформы было то, что Османская империя, начиная с 1683 года, вела тяжелую войну против коалиции европейских государств и потому нуждалась в постоянной помощи крымских войск в боевых действиях на Дунае. Однако и Крым в свою очередь опасался наступления русских войск, и крымчане весьма неохотно выступали в венгерские походы. Селим Герай, известный своей лояльностью по отношению к Стамбулу, мог увеличить размеры своего личного войска, чтобы частично компенсировать нехватку крымскотатарских войск, высылаемых в помощь османам. Так, в 1692 г. с ханом из Крыма на дунайский фронт выступили лишь сеймены, получившие для похода жалование от турецкого султана, прочие же крымские войска остались дома [14, с. 183]. Реформа Селима Гирея была столь значимой для сейменов, что крымский историк XVIII века Сейид Мухаммед Риза даже приписывал именно этому хану создание секбанов и разделение их на отряды по 50 человек [95, с. 273].

Что касается улүфели тюфекчи, то по некоторым данным они также призывались в рассматриваемое время. По мнению О. Гайворонского и в XVII веке татская пехота состояла на временной службе ханов: «Крымское ханство, испытывавшее недостаток пеших стрелков в структуре своей армии, приглашало на военную службу горцев-христиан из земель бывшей Готии. Не являясь регулярным воинским подразделением, татские («греко-готские») стрелки под командованием ханского тат-агасы являлись особым, третьим, видом крымской пехоты. Их можно было использовать в качестве ханской гвардии и, возможно, в качестве военных поселян, противостоящих вторжениям с моря» [17, с. 442]. В 1624 г., в битве под Карасубазаром, Мехмед и Шахин Гирей располагали 1000 крымских мушкетеров [72, с. 485], что, на наш взгляд, свидетельствует о том, что 500 ханских сейменов были дополнены таким же количеством татов. Эвлия Челеби писал, что в 1666 г., во время сбора Адилем Гиреем войск против Ширинов, в число прочих контингентов в ханское войско вошли местные стрелки из ружей, причем хан привел 1000 пехотинцев, калга – 500, нуреддин – 500, а ханский везирь – 300 [86, с. 223]. Этот же автор писал про жителей Татского иля – «всего их до пятнадцати тысячи, татского народа, стрелков из ружей» [86, с. 160].

Какую же организацию имела ханская гвардия? Выше мы уже приводили данные де Тотта о том, что конная гвардия состояла из отрядов, насчитывавших по 40 человек каждый. Данные же о сейменах разнятся. В конце XVII века сейменские белюки насчитывали по 50 человек. Из сообщений французского консула в Крыму Пейсонеля мы знаем, что в середине XVIII века насчитывалось 20 байраков сейменов по 30 человек в каждом, причем на случай войны на службу призывались еще 20 байраков [57, с. 31], отчего общая численность сейменов могла вырасти до 1200 человек. Последний крымский хан Шахин Гирей считал, что сеймены прежних ханов составляли 20 байраков по 100 человек в каждом [28, с. 710–711]. Мы предполагаем, что в начале XVIII века сеймены, ввиду трудностей для их содержания казной и тем, что часть их обеднела настолько, что не могла исправно нести службу, были разделены на постоянных и запасных. Освобождение части сейменов от регулярной службы оставляло им время и силы для добывания себе пропитания иным путем. Численность белюков (байраков) оставалось на прежнем уровне – 50 человек, но в военное время дополнительно призывалось еще столько же, что позволяло довести общую численность сейменского корпуса до 2 тысяч, а отдельной части – до 100 человек.

Вклад ханской пехоты в военные усилия ханства все же следует оценить как довольно скромный. Из десятков битв, выигранных крымскими татарами, лишь в двух (Перекоп, 1548, и Судбищи, 1555) пехота

сыграла решающую роль. Куда большее значение гвардейцы хана играли во внутренней жизни государства, выступая в качестве опоры центральной власти против беев. В ряде кампаний, даже имея при себе пехотные части, крымское командование вообще не использовало их. Так, в битве в Черной долине (1736), в то время как крымская конница атаковала русских, пехота так и не вступила в бой из-за опасения, что она понесет большие потери [69, с. 79]. Это было вызвано миниатюрными размерами ханской гвардии, а также нежеланием хана рисковать верными лишь ему войсками.

Нукеры беев, мурз и султанов. В военной организации крымских татар важное место занимали дружины крымской знати. Уже с юных лет крымские аристократы собирали вокруг себя воинов, как знатного, так и простого происхождения, которые должны были повсюду сопровождать их, как на войне, так и в мирное время – на пирхах и охоте. Эвлия Челеби сообщал про Ахмеда Гирея: «раз в неделю он со своими друзьями по имени Тарыш, Хавле и Янгын ездит на охоту» [86, с. 121]. На войне друзья продолжали сопровождать знать, но уже в качестве офицеров или отборных воинов. «Во внутренней структуре племенных частей, находившихся под командованием беков, следует различать нукеров или эмельдешей и рядовых воинов. Нукеры или эмельдешей (буквально товарищи), иногда с приставкой *хасса* или *сурдаш* («лично преданный» или «близкий товарищ»), составляли группу приверженцев или телохранителей, которые всегда сопровождали своего хозяина, бека или хана, и были готовы пойти на любую жертву ради него» – писал Х. Инальджик [100, с. 451].

То же самое отмечал и Броневский, писавший про крымских султанов: «когда они взрослеют, то те из них, кто выказывает способности к этому, становятся командирами конных отрядов, привлекая к себе множество татар, являющихся к ним добровольно» [91, с. 65]. Для того, чтобы снижать себе популярность среди людей и иметь большое количество нукеров, аристократу нужно было проявить себя в роли военачальника и организатора набегов. Взамен на преданность воинов он должен был заботиться о них: «Татары идут на службу к хану или другим влиятельным татарам лишь за пропитание или одежду, без какой-либо платы» [91, с. 70]. Военно-дружинная культура сохранялась в Крымском ханстве и в XVIII веке. Согласно Пейсонелю, султаны содержали при себе свиту из мирз, «которые присоединяются к ним и разделяют их судьбу» [57, с. 12].

В бою «дворы» играли важную роль, либо наступая на врага в первых рядах, либо прикрывая отступление. По мнению побывавшего в Крымском ханстве в начале XVII века англичанина Джона Смита именно надворные войска аристократии и хана и составляли костяк военных сил ханства и наиболее боеспособную ее часть: «Те татары, которые состоят на службе хана или бея, получают от них пропитание и одежду. Остальные же кочевники, простые ордынцы, по природе своей грязные и ленивые люди, а на войне они выступают главным образом как мародеры» [64, с. 25]. Да и в глазах самой крымской власти существовала четкая разница между профессиональными воинами и «призывниками» из числа простонародья. Так, в 1542 г. Сахив Гирей предупредил карачи-беков, «чтобы они приводили только избранных («йарар ньокьор ве эрэнлэнден ихтияр») и не позволяли простым подданным («фрэ'айя») вводить себя в заблуждение, присоединяясь к походу» [56, с. 402].

В битве под Калушем (1672) во время внезапного нападения поляков на крымский лагерь именно нукеры были единственными, кто не растерялись и построились для боя [90, с. 172]. В битве под Межировым (1612) командовавший татарским войском Батыр бей, увидев, что в герцах со стороны поляков участвуют «добрые воины», также со своим «двором» кинулся в бой, отбросив поляков к их лагерю [120, с. 17].

Как и среди прочих профессиональных военных ханства, среди нукеров было немало выходцев из северо-западного Кавказа. Вызвано это было тем, что многие Гиреи в юном возрасте отдавались черкесам на воспитание. Еще будучи юношами, они собирали вокруг себя местных джигитов, которые сопровождали своих вождей и в Крыму. Французский консул в Крыму Ксаверию Главани в начале XVIII века писал про крымских султанов, воспитывавшихся в Черкесии: «самый бедный из них имеет при себе 50 конных и хорошо вооруженных слуг» [53, с. 161].

«Дворы» крымских султанов (огланов), участвовавших в Зборовской кампании (1649) насчитывали 500 человек [22, с. 220]⁴. Подобные отряды имели не только султаны, но и беи и мурзы. Самые влиятельные из них могли иметь сотни нукеров, менее значимые – десятки. Один из наиболее известных беев Крымского ханства первой половины XVI века Баки бей имел 500–600 нукеров [100, с. 457]. Мы полагаем, что общая численность нукеров султанов, Ширинов, Мансуров, Аргынов и других знатных родов не превышала 3–4 тысяч человек.

Рядовые воины. Ханские и бейские отряды состояли из людей, чьим ремеслом была война. Но число таких воинов не превышало 6–8 тысяч, что было явно недостаточно для ведения полномасштабных

⁴ В.С. Великанов считал, что уланы представляли собой личную гвардию хана, составленную из представителей знатных горских семейств, общей численностью в 500–1000 человек [13, с. 30]. Но это сомнительно, учитывая, что огланы (уланы) были представителями династии Гиреев.

войн с могущественными соседями Крыма – Речью Посполитой и Россией. Поэтому ханы прибегали к мобилизациям мужского населения полуострова. Однако вопрос о том, какой размах имели эти мобилизации, все еще остается дискуссионным.

В историографии традиционно считалось, что на случай похода ханом призывалась большая часть взрослых мужчин. Но с этой точкой зрения трудно согласится. Опираясь на ряд источников и исследования современных историков, мы полагаем, что крымские татары (не считая ногайцев) могли выставить до 30 тыс., максимум – до 40 тыс. человек. При этом население Крыма оценивается историками в 200–250 тысяч в XVI веке [59, с. 57; 95, с. 286] и до 400–450 тысяч в XVIII веке [35, с. 122; 78, с. 24]. Нам трудно представить себе, чтобы 30 тысяч человек были большей частью взрослого мужского населения полуострова с 200–400 тысячами жителей. Тотальная мобилизация населения Крыма дала бы в XVIII веке не менее 80 тысяч человек (20% от 400 тысяч), а если учесть еще ногайские орды, ханы могли бы собрать вдвое больше, однако невозможность реального сбора 80–160 тысяч крымских татар и ногайцев следует признать очевидной. Прибавим к этому тот факт, что несколько тысяч человек уже состояли на службе в качестве сейменов, капы-кулу или нукеров. Остается предположить, что призыву подлежала лишь часть мужского населения, притом, как правило, меньшая, и только в отдельных случаях проводилась более масштабная мобилизация.

Что нам известно о крымских мобилизациях из источников? Во-первых, обращает на себя внимание то, что современники ханства нередко отмечали именно частичный, а не тотальный, характер мобилизационных мероприятий, причем те, кто не шел на войну, снаряжали воюющих. Боплан писал, что далеко не все крымские татары выступают на войну: «Те, которые совсем не ходят на войну, питаются сообразно времени года» [12, с. 225]. Пейсонель считал, что крымские татары выставляли 1 воина от 2–5 домов: «Вассалы, свободные или вольноотпущенные, обязаны идти на войну с их господином, который берет по желанию одного человека с двух, трех, четырех или пяти домов, сообразно требованиям случая и постановления частного совещания хана. Оставшиеся вассалы обязаны одевать, снаряжать, вооружать и давать лошадь на их счет обязанным идти на войну» [57, с. 31]. Хусейн Хезафренн отмечал: «Если его величеству хану нужно послать войско в какое-то место, то каждые семь человек выставляют одного и выделяют пару лошадей. Знают, сколько пар лошадей поставляют от каждой деревни, и в соответствии с этим собирают сога» [55, с. 268]. Также и русские источники четко отличали всеобщее ополчение и собственно войско. В 1618 г. калга Девлет Гирей собирал в Крыму войско для похода на польские земли: «стали крымские ратные люди собираться и учили из Крыму ратных людей калга отпущать с мурзами на первой неделе Петрова поста» [51, с. 99]. Однако вопреки воле калги в поход выступило намного больше крымцев: «в Крыму остались немногие люди, потому что много пошло и охочих людей для своей добычи». Осенью 1694 года в Крыму была объявлена мобилизация, проходившая в несколько этапов. 18–19 сентября в Бахчисарае делили (гонцы) оглашали приказ нуредина, «чтобы все воинские люди шли наскоро к нурадыну салтану в Перекоп». Через некоторое время, 3 октября, «прислано из Перекопи от нурадына в Бахчисарай для высылки татар, которые есть и пятнадцать лет и ниже чтоб только смог кто хотя по нужде конем владеть» [14, с. 247]. То есть мы видим два этапа мобилизации – сначала собственно воины (выставляемые, как мы помним, от нескольких семей), а уже потом – все, кто достиг 15-летнего возраста и имеет коня. Еще ранее, в 1693 г., мобилизация происходила следующим образом: «салтаны, ханские дети, взяв с собой, кто при них служат и с сеименями не со многими людьми побежали к Перекопи.

А в Бахчисарае по базару кликали делялы, и во все стороны Крыма розослано, чтоб все мурзы и татаровя ехали для обороны Казыкерменской, **и не токмо военные, но и все и кто имеет коней и ружье** (выд. нами – А.Ш.), но и безконные б и безоружные все бежали к Перекопи» [14, с. 203].

Мы вновь видим деление крымских татар на «военных», «ратных» людей (существующих параллельно с дворами знати и сейменами) и «всех, кто может сесть на коня». Кем были эти «ратные люди»? Есть основания считать, что это была группа населения, состав и численность которой были известны ханским властям, которые планировали сбор войск, исходя из имеющейся по «ратным людям» информации. К примеру, в 1617 г. хан Джанибек Гирей заявил русским посланникам, что с ним в поход на персов пойдут «ближние люди» (ханский двор) и «все худые ратные люди» [51, с. 102]. То есть хан еще перед началом похода уже рассчитывал, сколько и каких воинов (из числа «ратных людей») он возьмет с собой.

Вот как описывает В.Д. Смирнов мобилизационные предприятия, проведенные в Крыму Селимом II Гиреем (1743–1748) в 1744 г.: «сперва предполагалось сделать набор по одному человеку с пятнадцати домов; а усердный Селим-Герай собрал по человеку с пяти домов» [71, с. 72]. Собранное таким образом войско насчитывало 10 тысяч человек [41, с. 239]. Учитывая, что в одной семье могло быть по 6–7 человек, мы получаем 300–350 тысяч крымских татар к середине XVIII века. В 1761 г. хан Кыргыз I Гирей планировал нападение на черкесов, «и для того походу с пятого дому по одному человеку уже и наряд учинил» [24, с. 316]. Есть данные и о других мобилизационных нормах. В 1769 г. Кыргыз Гирей собирал для похода на Новую Сербию по 3 человека от 8 домов [31, с. 155]. Если считать, что в Крыму было 50 тысяч

семей, то собранное таким образом войско насчитывало бы 18 тысяч человек, что, с учетом ханской гвардии и «дворов» знати дало бы 24–26 тысяч человек – обычную для XVIII века численность крымскотатарского войска. Так, в 1736 г. Крым защищало 25–27 тысяч крымцев [48, с. 120], в 1737 г. для вторжения в Украину Фетх II Гирей собрал 17–18 тысяч крымских татар [5, с. 346], Менгли II Гирей атаковал в 1738 г. русскую армию войском в 20 тысяч воинов [5, с. 551], в 1769 г., для битвы с осаждавшей Хотин русской армией Девлет III Гирей имел 25 тысяч [61, с. 213], в 1771 г. Перекоп прикрывало 20 тысяч крымских татар [32, с. 402]. О том, что и в более раннее время обычная численность крымских войск была соотносима с представленными выше данными за XVIII век, говорит то, что во второй половине XVI – XVII веках количество воинов, которые были затребованы османскими султанами у крымских ханов для войн в Венгрии и Персии, составляло до 10 до 25 тысяч [95, с. 281–282].

Иной раз мобилизации должны были охватить еще большее количество человек. В 1695 г., во время угрозы казацкого вторжения в Крым, калга Саадет Гирей приказал набрать по одному человеку с дома для защиты Перекопа [72, с. 653]. Позже, в августе того же года, калга приказал собрать по 2 человека с дома для защиты Азак–кале [72, с. 659]. В 1709 г. Каплан I Гирей приказал собрать по 1 человек с дома [71, с. 9]. В сентябре 1733 года для похода на Кавказ было приказано «где есть в доме 3 человека, то одному дома быть, а двум в войско идти сказано» [68, с. 477]⁵. В 1744 г., после ухода войск на иранский фронт, калга Шахин Гирей провел набор по 1 человеку с 3 домов и с собранными силами пошел за ясырем в Черкесию [71, с. 72]. Бывало даже, что ханы требовали выйти в поход вообще всем мужчинам в возрасте от 15 до 70 лет, как это было в 1501 и 1546 годах [56, с. 402]. Однако стоит отметить, что столь крупные мобилизации были зачастую вызваны угрозой самому Крыму, либо предпринимались в ответ на чрезвычайные обстоятельства, как, например, кампании Менгли Гирея против Великой Орды в 1501–1502 годах.

В тоже время стоит отметить, что в некоторых случаях мобилизации имели более ограниченный характер. Ведь задачи, которые должны были выполнять крымские войска, иной раз были ограничены и не требовали масштабных призывов. Весной 1733 года собирали «со всего Крыма с мечета по одному человеку» [68, с. 409], то есть планировалось выставить не более 1,5 тысяч воинов.

Указанные данные позволяют дать объяснение загадочному термину «беш-эвли» («пять домов»), встречающемуся в «Книге путешествий» Эвлии Челеби. Он писал, что ногайцев, взятых в плен в 1665 г. после битвы у Ак-Кермана и доставленных в Крым, «записали в так называемые *беш-эвли* и разместили по деревням на земле Крыма» [86, с. 31]. О гарнизоне Перекопа этот же автор сообщал: «В этой крепости есть также пятьсот воинов из татарского иля под названием Беш-эвли. Все они – опытные, рвущиеся в бой, храбрые, бесстрашные и умелые богатыри и молодцы» [86, с. 39]. Наше объяснение термина «беш-эвли» таково – стандартная мобилизация в Крыму в XVII–XVIII веках предполагала набор 1 человека от пяти домов в дополнение к ханским и бейским отрядам, что позволяло собрать от 8 до 12 тысяч человек (хотя, конечно же, призывать могли и большее количество людей). Эти расчеты находят свое подтверждение и в реформах последнего крымского хана, Шахина Гирея. Когда этот хан планировал собрать регулярную армию (*бешлеев*) из жителей не только Крыма, но и Кубани, численность ее предполагалось «довести до 20 000 человек путем введения рекрутского набора (по 1 человеку от 5 домовладельцев)» [20, с. 133].

Вместе с сейменами, капы-кулу и нукерами количество крымских воинов в XVI–XVIII веках составляло 14–20 тысяч человек. Собранное таким путем войско дополнялось плохо вооруженными слугами и «добытчиками» (добровольцами, ездившими на войну ради добычи). Вместе с ними крымское войско доходило до 30–40 тысяч человек. Эти расчеты сходятся с мнением А.В. Малова: «Подводя итог различным оценкам в исторической литературе и опираясь на личные консультации и частные беседы с А.В. Виноградовым, Г.А. Саниным и В.В. Трепавловым, полагаем, что хан вполне мог привести на Русь до 30 000 всадников, хотя из названного числа улусных людей хана, которые могли принять участие в открытом бою, было на порядок меньше. В этом смысле наиболее вероятной представляется оценка численности татар под Конотопом в 15–20 тысяч всадников, которую приводит П. Кроль» [46, с. 446].

Воинов, собираемых по мобилизации, могли также называть ясаками, то есть составленными из податного населения. «Алп, государь, царевич двжды при мне за Перекоп выездил, а сказывают, государь, будто его Абды-Рахман подговаривал итти на твою государеву украину, и царь его, государь, воротил, а придавал ему ясаков, поймав у царицы у Нур-солтаны» – писал в 1516 г. русский посол в Крыму Мамонов [67, с. 292]. В мае 1659 года на Левобережной Украине стоял «нуррадын султан, а с ним немного татар, толко ясак пушает» [1, с. 378] – то есть нуреддин отправлял в загоны лишь призывников из простого населения.

Есть основания полагать, что и в XV – начале XVI века крымские войска насчитывали всего несколько тысяч человек. Так, в 30–50-е годы XV века численность крымских войск оценивалась современниками

⁵ По другим данным, крымские власти планировали «с каждого мечету выслать по 5 человек» [68, с. 409], что дало бы около 7 тысяч человек.

в 3–6 тысяч [7, с. 154; 37, с. 123; 70, с. 196]. Сам Менгли Гирей в 1498 г. говорил, что выступил в поход с 4-тысячным войском, его сын Мехмед Гирей в той же экспедиции командовал тысячей воинов [80, с. 155]. Войско Фетха Гирея, вторгшееся в пределы Великого княжества Литовского в 1506 г., насчитывало, по подсчетам С. Хербста, 4 тысячи человек, из них 2,5–3 тысячи сражалось с литовско-польским войском под Клецком [98, с. 23]. О реальности этих чисел говорит и то, что в той же Клецкой битве литовцы захватили в крымском коше всего лишь 3 тысячи коней [96, с. 136]. В 1512 г. в литовские земли вторглось три крымских султана с войском, оцениваемым С. Хербстом менее чем в 10 тысяч [99, с. 220]. В 1501 г. Менгли Гирей собрал громадную армию в 25 тыс. человек [45, с. 243], составленную, однако, путем призыва всех, кто только мог сесть на коня и достиг 15 лет [18, с. 74]. Следовательно, армия, формирующаяся из «ратных людей», с учетом того, что население ханства в начале XVI века составляло около 200–250 тысяч человек, должна была составлять 6–8 тысяч человек (по 1 человек от 5 семей при наличии 30–40 тысяч семей). С прибавкой нукеров и ханской гвардии – не более 12 тысяч воинов, без учета сопровождающих войско слуг.

Вполне логично, что крымское войско формировалось именно таким путем, ведь не все жители ханства были столь богаты, чтобы содержать коней и иметь оружие, а также каждый год оставлять семью и хозяйство на полгода и брать запас провизии на несколько месяцев. Одежда могла прийти в негодность, конь мог быть ранен или убит, оружие – выйти из строя. Такие расходы (а они были в любом случае, в отличие от добычи) привели бы к обнищанию населения в течение нескольких лет. Ведь если бы все мужчины бросали семьи и уходили в походы, а по возвращении из похода работали, чтобы подготовить продовольствие для следующего похода, войны были бы слишком затратным и не окупающим себя мероприятием. Часть мужчин должна была участвовать в войнах, при этом власти, учитывая размеры населения крымских сел и городов, знали, сколько человек выходит из такого или иного населенного пункта, в случае же гибели или ранения жители села выбирали из своей среды замену убитому. Разумеется, снаряжены такие воины были неплохо, ведь купить одну саблю для нескольких семей вряд ли было серьезной проблемой.

Осознавая трудности, с которыми столкнулись бы малообеспеченные крымцы в случае мобилизации, ханы нередко рассматривали в качестве военнообязанных лишь тех, кто имел исправное вооружение и коней. В 1588 г. Ислам II Гирей отправил в Крым янычар и «велел им тотар высылать ко царю, которые татарове не пошли со царем, а лошади у них добры и прожитки есть» [73, с. 68].

О невозможности регулярных тотальных мобилизаций говорит продолжительность кампаний, в которых принимали участие крымские воины. В 1671–1672 годах крымское войско находилось в Черкесии восемь месяцев. Собранное весной 1689 года крымскотатарское войско провело вплоть до зимы 1690/1691 годов, то есть воины не видели своих семей почти два года. Мобилизованное весной 1683 года крымское войско во время обратного марша из-под Вены дошло до Буджака лишь в самом конце этого года и еще позже вернулось в Крым. Трудно представить себе, чтобы почти все мужское население год за годом проводило не то по несколько месяцев, не то вообще весь год в таких походах. Путь до Западной Украины занимал месяц, до Оки – полтора месяца, до Дербента – два с половиной месяца, 2–2,5 месяца крымские татары добирались до Венгрии. И это, не считая времени, затраченного на военные действия и обратный путь!

Любопытно отметить тот факт, что юрюки – кочевники, расселяемые османскими властями на Балканах – имели похожую военную организацию. «Из членов оджака 25 назывались «ямак» (помощник), а 5 – «эшкинджи» (уходящий). Ранее, когда в оджаке было 24 человека, 20 назывались ямаками и один – эшкинджи, остальные три именовались «чатал» (двойной). Из числа эшкинджи (а ранее и из чаталов) каждый оджак выставлял одного вооруженного воина сроком на шесть месяцев. Черибаша возглавляли сформированные таким образом отряды. Оставшиеся 25 ямаков (или ранее 20) должны были обеспечивать эшкинджи вооружением, одеждой и продовольствием на шесть месяцев» [29, с. 27]. Главной задачей юрюков в глазах Стамбула была именно военная служба, и все же и их не призывали поголовно, считаясь с объективными обстоятельствами.

Военная организация причерноморских ногайцев была схожей с крымскотатарской и юрюкской. «Набор войск совершается у них почти тем же порядком, как и в Крыму... Ногайцы выставляют обыкновенно гораздо более войска, чем от них требуют. Когда же предпринимается война против христиан, то выступают в поход все способные носить оружие. Но при этом, по взаимному соглашению между собою, жители каждого аула оставляют известное число людей, которым вверяется забота об имуществе и семействах воинов, уходящих в поход. Остающиеся принимают на себя возлагаемые на них обществом обязанности под условием получения соответствующей доли добычи, наравне с теми, которые находились в числе сражавшихся. Условие это, по возвращении с войны, выполняется всегда с безукоризненною добросовестностью» [30, с. 14]. В 1683 г., в то время, когда войско буджакских ногайцев ушло вместе с крымским ханом в поход на Австрию, правобережные казаки вторглись в Буджак. Оставшиеся дома буджакцы сумели собрать 3 тысячи плохо вооруженных человек, однако, так как наиболее хорошо снаряженные их соотечественники отсутствовали [114, с. 184], буджакцы были разбиты казаками у Кицкан.

Вспомогательный компонент. Помимо собственно воинов, имевших хорошее вооружение, в войнах участвовало также большее количество человек, не несших непосредственно боевой службы и выполнявших вспомогательные задачи при армии, и составлявших от 50 до 70% личного состава всех крымских войск. Вопрос об этих *чорах* также позволяет дать ответ на вопрос, почему одни источники пишут о вполне хорошем (хотя и легком) вооружении крымских татар, а другие, напротив, пишут, что крымцы имели одну саблю на троих. Многие современники ханства четко различали воинов и вспомогательный компонент в виде слуг и добытчиков. «Весьма многие люди в татарском войске не имеют никакого оружия и не используются в боях» – отмечал Броневский [91, с. 83]. Джильс Флетчер сообщал о крымскотатарском войске следующее: «Рядовые не обязаны стеречь пленных и другую добычу, дабы не отвлекаться от военных занятий; но у них есть особые отряды в войске, которые определены нарочно для того, чтобы принимать и стеречь пленных и другую добычу» [82, 79].

Во время вторжения крымских татар в Польшу в 1458 г. поляки «обнаружили сначала, что татары стоят двумя отрядами: в одном, большем, мотлох⁶, а в другом, меньшем, лучшее войско» [19, с. 338]. Поляки атаковали больший отряд, думая, что он представляет собой основные силы неприятеля, и легко победили его, но затем сами были разгромлены в столкновении с меньшим войском. Большой интерес представляет описание крымского войска, оставленное польским очевидцем в 1595 г. Высоко оценивая ханских воинов, которых он описывает как «множество вышколенных людей», поляк вместе с тем мельком отмечает, что при том войске находилось «большое количество мотлоха» [101, с. 249]. Крымско-ногайское войско, стоявшее под Белой Церковью в 1626 г., по мнению коронного стражника Хмелецкого, насчитывало 40 тысяч конницы, не считая такого же количества «казандзиев, то есть мотлоха» [2, с. 257] (по предположению Д.С. Вирского, «казандзий» означало «едок, содержанец» [15, с. 159]). В 1649 г. «по смете де было с крымским ханом и с нурадыном самого доброго конного бойца с 80 000, oprичь их детей и чур, которые на добычу ездили, а было де тех добытчиков с 100000» [39, с. 167]. Ляссота полагал, что из 80 тысяч воинов, которых Гази II Гирей повел в Венгрию в 1594 г., лишь 20 тысяч были пригодны для участия в боевых действиях [44, с. 167]. Секретарь польской королевы Марии Луизы, Пьер де Нуайе, писал, что в 1656 г. татарское войско состояло из 85 тысяч человек – 35 тысяч господ и 50 тысяч слуг [106, с. 208]. Согласно «Дневнику войны с Шереметом» в Чудновской кампании 1660 года на помощь полякам «султан с ордами пришел, которых насчитывалось 40 тысяч сабель, не считая кошевых людей» [94, с. 144]. По другим данным в той кампании принимало участие «отборной орды 40 000, а черни до 20 000» [102, с. 31]. Российский историк XIX века А. Барсуков писал о той же кампании: «сверх этих сорока тысяч воинских людей, с султанами пришло целое «полчище татар, на обязанности коих лежало оберегание добычи, пастьба лошадей и вообще служба при обозе» [8, с. 312]. Согласно Иохиму Ерличу в Бучацком договоре (1672) было указано, чтобы хан не посылал на Речь Посполитую «не только крымских воинов, но и своевольных татар» [102, с. 199]. В 1690 г. войска калги Девлета Герая возвращались в Крым из дунайского похода: «перейшовши Кочубей и инние небеспечные места, сами zostалися назад с голнейшими и военнейшими татарями, а кош с ясиром при невеликой купе татар наперед от Очакова отправили» [85, с. 304–305]. Польский ориенталист XIX века О.И. Сенковский писал: «Крымчане, вторгаясь в Польшу, высылали вперед своих отборных воинов... лужная же голода, плохо вооруженная и непригодная к бою, позади воинов разбегалась кучами, с арканом в руке и с конем для перевозки добычи; если первые терпели поражение, вторые бежали на родину» [113, с. 146]. Современный польский историк Р. Сикора полагал, что внушительные числа татарского войска в источниках могут быть объяснены тем, что некоторые современники ханства считали «не только хорошо вооруженных воинов, но и тех, кто в польском войске именовался лужной челядью» [115].

В Крыму не питали иллюзий по поводу таких импровизированных войск. Так, в 1675 г. нуреддин Сафа Гирей вторгся на территорию Польши с армией, которая, согласно польским источникам, состояла из 60 тысяч человек, однако непосредственно для сражения с поляками нуреддин взял с собой лишь часть войска, притом самую боеспособную («20 тысяч отборной орды»), оставив остальных в тылу [117, с. 208, 213].

Учитывая имеющуюся информацию, мы считаем, что вспомогательный компонент крымскотатарского войска состоял из *ат огланов*, *чор* и *добытчиков*.

Воины возлагали задачу выпаса коней на мальчиков, сопровождавших крымское войско [86, с. 102], называемых *ат огланами* («мальчики с лошадьми»). Встречающиеся в источниках данные о том, что крымскотатарские юноши отправлялись на войну уже с 12–15 лет, следует понимать именно как их службу в качестве слуг. Они должны были сопровождать армию и приучались к тяготам и лишениям военной службы. Впоследствии эти юноши и сами становились воинами. Согласно сведениям турецкого хрониста Наимы эфенди, во время боев под Хотинем в 1621 г. «отряд лехов, состоявший из пятисот человек, бро-

⁶ «Мотлохом» в польских источниках называли войска с низкой боеспособностью. Например, наспех собранное в 1620 г. для отражения крымско-ногайских нападений польское войско, согласно хронике Пясецкого, состояло из «2000 мотлоха» [110, с. 252].

сился на *ат огланов*, но татарами, которые тем на помощь поспешили, были принуждены к отступлению, с потерей двухсот убитых» [113, с. 166]. Когда поляки спрашивали крымских командиров, почему крымские войска не присоединились к атаке на русско-казацкие войска под Охматовым (1655), те заявили, что в крымском войске нет челяди, которая пасла бы уставших днем лошадей в ночное время [103, с. 197].

Служба при войске не ограничивалась пастьбой лошадей. Нужно было охранять пленных и казаны и следить за прочим имуществом в то время, когда воины отправлялись в бой. Ногаец, взятый в плен поляками под Берестечком (1651), показал на допросе, что «Не знает, какова численность орды с ханом, так как стережет казан и лошадей» [26, с. 536]. В 1675 г., во время наступления на Львов, крымцы «оставили в коше при ясыре по одному с каждого десятка» [92, с. 143]. И если простые воины могли выбрать из своей среды одного воина (из 5–10 человек, кормившихся с одного казана), то отборные воины – нукеры – вряд ли соглашались бы охранять лошадей в то время, когда идет бой. Мы полагаем, что при дворах крымской знати были слуги (*чоры*), выполнявшие служебные функции при обозе. Когда во время Подольской кампании 1654–1655 годов к польским войскам подошел союзный крымский отряд, польское командование выдало мурзам, командовавшим этим отрядом, подарки, но те заявили, что «такие подарки годятся разве что их джурам» [21, с. 1017].

Ат огланы и *чоры* должны были непременно сопровождать войско. Что касается *добытчиков*, то их количество в каждом отдельном походе зависело от того, сколько крымских татар готово на свой страх и риск отправиться в чужие страны за добычей. Если пять семей вскладчину снаряжало одного воина, то и мужчины из других семей могли все равно пойти в поход по своему желанию, хотя и не всегда могли иметь достаточно для этого средств. Иной раз такие добытчики шли на войну, взяв денег на коня и оружие в долг у более богатых соотечественников [91, с. 76]. Это было вызвано тем, что среднестатистический крымский татарин не имел оружия и для его приобретения или создания нужно было приложить некоторые усилия. Когда в 1657 г. донские казаки грабили побережье Крыма, для борьбы с ними «Муртазе-бею с трудом удалось собрать 150–200 человек, многие оказались без оружия, на три-четыре человека имелась только одна сабля или лук» [65, с. 223]. Столь низкая обеспеченность оружием должна быть объяснена тем, что казаки столкнулись с ополченцами, которые в обычное время не призывались на войну и потому заблаговременно не обзаводились оружием.

Вооружение слуг и добытчиков было весьма посредственным, ведь эти люди и не рассчитывали участвовать в боевых действиях, а для ловли ясыря и его доставки в Крым было достаточно и маслаков. По этой причине некоторые современники ханства считали, будто крымские татары имели очень плохое вооружение. Согласно знаменитому описанию вооружения татар, оставленному Михалом Литвиным, в крымском войске «многие безоружные, и едва ли у десятого или двадцатого из них был при себе колчан или дротик, а в панцирях их было еще меньше; но одни по крайней мере были вооружены костяными, другие – деревянными палками, третьи – с пустыми ножнами на поясе. Щитов и копий и прочего подобного оружия они и вовсе не ведают» [49, с. 66]. Анджей Тарановский отмечал: «едва ли половина имеет луки и кольчуги, а доспехов никаких не имеют, в одних сермягах бродят» [104, с. 55]. В 1648 г. польский очевидец описывал внешний вид и вооружение татар следующими словами: «в кожухах и сермягах, без сабель, без луков, в большинстве своем с маслаками, то есть костью, посаженной на гибкое дерево, что хуже, чем сабля» [111, с. 54]. В 1651 г. шведский посол в Крыму Майер писал: «мне повстречалось много татар, которые ехали на войну, но едва ли каждый десятый имел саблю или лук. А у тех, кто имел лук, было мало стрел», «много снова повстречалось много татар, но в целом все они были плохо вооружены; видел совсем молодых парней, которые ехали воевать» [23, с. 229].

Однако вместе с тем есть описания иного характера. Согласно одному польскому источнику, описывающему вооружению татар, «при каждом – сабля и лук» [118, с. 100], целый ряд современников ханства – Броневский, Флетчер, Маржерет и Боплан – пишут, что лук и сабля также являются обычным (или даже единственным) оружием крымских воинов [19, с. 83; 82, с. 77; 47, с. 148; 12, с. 219]. Испанец Перо Тафур, посетивший Крым в 1438 г., писал про татар: «оружие их – сабли, лук, стрелы и дубина» [77, с. 130]. В 1496 г. в Крыму был ограблен русский купец, причем в числе отобранных вещей была сабля стоимостью 25 алтын и 40 стрел по 10 алтын за десяток [38, с. 426]. Словом, нет оснований полагать, что сабли были дефицитным оружием, доступным лишь состоятельным людям, как это делает Л.А. Бобров применительно к Крыму XV – первой половины XVI веков [11, с. 228].

Совершенно очевидным является тот факт, что при наличии среди крымскотатарских воинов большого количества «костяных палок», «пустых ножен» и маслаков, это отразилось бы в данных источников, касающихся ранений, получаемых противниками крымских татар. На 2–3 ранения от стрелы приходилось бы с десятков ран, оставленных маслаками. Однако почти все имеющиеся сведения о ранениях относятся именно к стрелам, копьям и саблям. Так, в битве под Конотопом (1659) «Борис Семенов сын Толстой, по правой щеке и по носу посечен саблею, да по правой руке ниже локтя прострелен из лука»; Андрей Денисов сын Фефилатьев «ранен из лука в правую ногу»; Борис Михайлов сын Бибииков ранен «саблею по го-

лове да у правой руки средний перст пересечен»; Михайло Степанов сын Голенищев Кутузов «сечен саблей по обоим щекам, да по левому плечу да по левой руке» [4, с. 22]. В 1695 г. среди ранений, нанесенных крымскими татарами и ногайцами полякам в битве под Львовом, мы видим: «в плечо копьём проткнут», «от нескольких копий и сабель ранен», «прострелена рука и конь копьём получил» [107, с. 163]. Так было и в XV веке: после битвы с татарами у Солхата в 1434 г. среди выживших генуэзцев «очень мало было таких, которые не получили менее трех ран, кто от стрел, кто от сабли, кто от копья» [70, с. 196]. Даже на заре истории ханства, в 30-е годы XV века, основное количество ранений противники татар получали от сабель и стрел, но не от маслаков.

Далее, в источниках вооружение крымских татар, используемое в самом бою, описывается обычно в выражениях вроде «татары с саблями бросились в бой», «татары выпустили тучу стрел» и т.д. Нам неизвестны источники, сообщающие нечто вроде «татары атаковали нас маслаками, и лишь у одного из десяти была сабля». Невзирая на упоминания о небольшом количестве сабель и луков и преобладании импровизированного оружия в войске как таковом, в самом бою, согласно источникам, используются именно луки и сабли. Это говорит о том, что обладатели маслаков к бою допускались нечасто, хотя и могли участвовать в завершающих фазах боя – грабеже лагеря и преследовании бегущих, либо – в решающие эпизоды битвы, когда требовалась любая посильная помощь. В битве под Вишневецом (1512) крымские воины атаковали польско-литовские войска, однако, ввиду сильного сопротивления со стороны противника, «встали в один строй вместе с теми, кто был при полоне, оставив при имуществе немного подлейших» [88, с. 965]. В этом случае *чоры* все же были брошены в бой, но лишь тогда, когда участия самих воинов было недостаточно для победы. Украинский историк XX века Ю. Тис-Крохмалюк писал, что большая часть татарских воинов вооружена маслаками, и отсюда делал вывод о низкой боеспособности крымскотатарского войска и его плохом вооружении. Он ссылается на польского участника Корсуньской битвы Раецкого, который писал, что татарин ударил его маслом по голове [79, с. 78]. Однако Раецкий писал, что это произошло уже после разгрома польской армии, во время преследования ее остатков, вместе с тем он описывает сильные атаки крымской конницы на польские войска во время самой битвы [108, с. 18, 19]. Разумеется, *чоры* с маслаками могли преследовать бегущих, не участвуя в битве, что не противоречит тому факту, что воины имели в основном сабли и луки.

Горстки крымских энтузиастов, собираясь в отряды от нескольких до нескольких сотен человек, на свой страх и риск, устраивали набеги на соседние страны. Целью таких набегов был лишь захват добычи, поэтому многие из совершавших *беш баиш* добровольцев предпочитали идти в поход с ножами, арканами и маслаками. Войско ханства, составленное из профессиональных и хорошо снаряженных военных, представляло собой серьезную силу, с которой приходилось считаться всем соседям Крыма. Потому неудивительно, что русские, польские, казачьи или молдавские военачальники, время от времени громившие многочисленные и плохо вооруженные отряды *добытчиков*, воспринимали *армию* Крыма как опаснейшего противника. Известно, что одной из решающих причин поражения поляков в первых боях с войсками Хмельницкого и Тугая бея был сам факт оказания казакам помощи со стороны Крымского ханства, что привело к деморализации польских солдат и офицеров. В некоторых случаях достаточно было одного лишь вида татар для того, чтобы обратить неприятеля в бегство, как, например, в битве под Пилявцами в 1648 г. Было бы странно, если бы поляки с их прекрасной конницей действительно боялись воинов, снаряженных преимущественно маслаками. Не маслаков опасались крылатые гусары и панцерные казаки, а своих крымских «коллег».

Представленная нами информация позволяет разделить крымскотатарское войско на следующие категории:

- Гвардия хана: ички беглери, капы-кулу, секбаны (сеймены) и топчу (от 3 до 4 тысяч).
- Нукеры крымской знати (от 3 до 4 тысяч).
- Беш эвли (ясак), рекрутируемые из числа рядовых крымчан (от 6 до 12 тысяч).
- Ат огланы, чоры и добытчики (10–20 тысяч).

Всего – 22–40 тысяч человек. Усиленное ногайцами, крымское войско могло насчитывать 50 тысяч, из коих половина была воинами, прочие же – обслуживающим элементом. Поэтому подсчеты З. Вуйцика, полагавшего, что хан имел под Берестечком (1651) 20–28 тысяч человек [119, с. 70], могут быть отнесены к одним лишь воинам, не считая чор. Подобно другим армиям, крымскотатарское войско не было однородной массой, представляя собой довольно сложный организм, изучение которого все еще далеко от завершения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Том 15. 1658–1659. СПб., 1892.

2. Антонович В. Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданный Комиссией для разбора древних актов. К., 1888.
3. Аствацатуров Г. О. Бендерская крепость. Бендеры: Изд-во: ООО Петица, 1997.
4. Бабулин И.Б. Битва под Конотопом. 28 июня 1659 года. М.: Цейхгауз, 2009.
5. Баиов А.К. Русская армия в царствование Анны Иоанновны. Война с Турцией в 1736–1739 годах. Первые три года войны. СПб., 1906.
6. Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2001.
7. Барбаро Иосафат. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России. М.: Наука, 1971.
8. Барсуков А. Род Шереметевых. Т. 5. СПб., 1888.
9. Березин И.Н. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея. Казань, 1851.
10. Білецька О.В. Військове спорядження та зброя в системі цінностей панівних верств населення центрально та східноєвропейського регіону в XV–XVI ст. // Новик. Сборник научных статей по военной истории Научного Одесского Военно-Исторического Клуба. Одесса, 2009. Вып. II.
11. Бобров Л.А. Тактическое искусство крымских татар и ногаев конца XV – середины XVII вв. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2016. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. II. С. 210–388. Режим доступа: <http://www.milhist.info/2016/03/28/bobrov/> (дата обращения: 28.03.2016)
12. Боплан Гийом Левассер де. Описание Украины. М.: Древлехранилище, 2004.
13. Великанов В.С. Военная организация Османского государства. 1673–1713 // Воин. 2010. №12.
14. Військові кампанії доби гетьмана Івана Мазепи в документах / Упорядник С. Павленко. К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2009.
15. Вирський Д.С. Битва під Білою Церквою 1626 р. та «Реляція правдива...» Яна Доброцького // Український історичний журнал. 2010. № 6.
16. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. Том II. 1648–1651 годы. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953.
17. Гайворонский А.Е. К вопросу о христианских подразделениях в армии Крымского ханства // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 2. Симферополь, 2001.
18. Гайворонский О. Повелители двух материков. Т. I. К.: Майстерня книги; Бахчисарай: Бахчисарайский историко-культурный заповедник, 2010.
19. Гваньїні О. Хроніка європейської Сарматії. К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2007.
20. Грибовский В.В., Сень Д.В. Опрометчивый полёт сокола. Закат крымско-татарского государства и реформы Шагин-Гирея // Родина. 2014. №8.
21. Грушевский М. Історія України-Руси. Том IX. Книга 2. 1654–1657. К.: Наукова думка, 1997.
22. Джерела з історії Національно-визвольної війни українського народу 1648–1658 рр. Т. 1. (1648–1649 рр.). К., 2012.
23. Джерела з історії Національно-визвольної війни українського народу 1648–1658 рр. Т. 2. (1650–1651 рр.). К., 2013.
24. Джерела з історії Південної України. Том 7. Канцелярія Новосербського корпусу. Запоріжжя, 2005.
25. Дневник Станислава Освецима // Киевская старина. 1882. № 9.
26. Документы об освободительной войне украинского народа 1648–1654 гг. К.: Наукова думка, 1954.
27. Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков из древлехранилищ Турции: Сборник документов / Сост. И.А. Мустакимов; под общ. ред. Д.И. Ибрагимова. Казань: Гасыр, 2008.
28. Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. Т. I. 1775–1777 гг. СПб., 1885.
29. Еремеев Д.Е. Происхождение юрюков и туркмен Турции и основные этапы их истории // Этнические процессы и состав населения в странах Передней Азии. М.-Л.: Издательство восточной литературы, 1963.
30. Западно-Кавказские горцы и ногайцы в XVII столетии по Пейсонелю. Материалы для истории Западно-Кавказских горцев // Кубанский сборник. Т. 2. 1891.
31. Записки барона Тотта о татарском набеге 1769 г. на Новосербию // Киевская старина. 1883. № 9–10.
32. Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского (1756–1776). М.: АНО «Редакция альманаха «Российский Архив»», 2003.
33. Записки Мухаммеда Неджати-эфенди, турецкого пленного в России в 1771–1775 гг. // Русская старина. 1894. № 4.
34. Іналджик Г. Знахідка кадійських сіджілів (судових книг) Кримського ханату // *Mapra Mundi*. 36. наук, праць на пошану Ярослава Дашкевича з нагоди його 70-річчя. Л.; К.; Нью-Йорк: Вид-во М. П. Коць, 1996.
35. Кабузан В.М. Украинцы в мире: динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII века – 1989 год: формирование этнических и политических границ украинского этноса. М.: Наука, 2006.
36. Клеemann Н. Клееманово путешествие из Вены в Белград и Новую Килию, також в земли буджатских и нагайских татар и во весь Крым, с возвратом чрез Константинополь, Смирну и Триест в Австрию в 1768, 1769 и 1770 годах, с приобщением достопамятностей Крыма. СПб., 1783.

37. Колли Л.П. Хаджи-Гирей хан и его политика (по геноуэским источникам). Взгляд на политические сношения Кафы с татарами в XV веке // Известия Таврической учетной архивной комиссии. Т. 50. Симферополь, 1913.
38. Комаров О.В. Изучение комплекса вооружения дворянского войска XVI в. и документальные источники [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2016. Т. VII. С. 392–460. Режим доступа: http://www.milhist.info/2016/02/03/komarov_1/ (дата обращения: 03.02.2016)
39. Костенко А.Я. Пушкарев Л.Н. Панкратова А.М. Трехсотлетие воссоединения Украины с Россией: сборник документов для преподавателей средней школы. М.: Изд-во Академии педагогических наук, 1954.
40. Кулаковский П. Князь Костянтин Иванович Острозький і оборона українських земель від татарської агресії (кінець XV – перша третина XVI ст.) // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Серія «Історичні науки». Острог: Вид-во наУОА, 2011. Вип. 18.
41. Купели О. Походы крымских татар и турок-осман против Ирана // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2(4).
42. Кырымлы Хаджи Мехмед Сенаи. Книга походов. Симферополь: Крымчупедгиз, 1998.
43. Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения (продолжение) // Известия Таврической учетной архивной комиссии. Т. 22. Симферополь, 1895.
44. Ляссота Эрих. Дневник // Мемуары, относящиеся к истории южной Руси. Выпуск I (XVI ст.). К., 1890.
45. Малиновский А. Историческое и Дипломатическое собрание дел, происходивших между Российскими великими князьями и бывшими в Крыме Татарскими царями с 1462 по 1533 год // Записки Одесского Общества Истории и Древностей. Одесса, 1862.
46. Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656–1671 гг. М.: Древлехранилище, 2006.
47. Маржерет Жак. Состояние Российской империи // Ж. Маржерет в документах и исследованиях: (Тексты, комментарии, статьи). М.: Языки славянских культур, 2007.
48. Миних Бурхард Христофор. Всеподданейшие донесения гр. Миниха. Ч. 1: Донесения 1736 и 1737 годов. СПб., 1897.
49. Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. М.: Изд-во МГУ, 1994.
50. Мундт Т. Крым-Гирей, союзник Фридриха Великого. Пролог столкновений между Россией и Турцией // Известия Таврической учетной архивной комиссии. Т. 43. Симферополь, 1909.
51. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л.: Наука, 1948
52. Окиншевич Л. Діаріуш Івана Биховця р. 1704 про відрядження до Криму // Студії з Криму. I–IX. Київ, 1930.
53. Описание Черкесии, составленное Ксаверио Главани, французским консулом в Крыму и первым врачом хана. В Бахчисарае, 20 января 1724 г. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974.
54. Описание Черного моря и Татарию составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Татарию и проч. 1634 г. // Записки Одесского Общества Истории и Древностей. Т. 24. Часть II. Одесса, 1902.
55. Османский источник второй половины XVII века о султанской власти и некоторых особенностях социальной структуры османского общества // Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура. М.: Наука, 1990.
56. Остапчук В. Хроника Реммаля Ходжи «История Сагиб Герей хана» как источник по крымскотатарским походам // Источниковедение истории Улуча Джучи. От Калки до Астрахани 1223–1556. Казань, 2001.
57. Пейссонель. Записка о состоянии гражданском, политическом и военном Малой Татарию, посланная в 1755 г. министром короля – господином де Пейссонель. Симферополь, 1925.
58. Пенской В. Военное дело Крымского ханства в конце XV – начале XVII в. // История татар с древнейших времен в семи томах. Том IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань, 2014.
59. Пенской В.В. Военный потенциал Крымского ханства в конце XV – начале XVII в. // Восток (ORIENS). 2010. №2.
60. Пенской В.В. Иван Грозный и Девлет-Гирей. М.: Вече, 2012.
61. Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769–1774 год. Том I. 1769 год. СПб., 1866.
62. Пономарев А.М. Агрессия Крымского ханства против черкесов-темиргойцев в 1761–1762 годах // Східний світ. №4. 2012.
63. Пономарьов О. Пруссія у зовнішній політиці Крим-Гірея в 1761–1762 роках (за даними запорозької розвідки) // Україна в Центрально-Східній Європі. 2015. Вип. 15.
64. Прародитель американской литературы и летописания Джон Смит о Крымском ханстве начала XVII столетия // Калашников В.М. Британский взгляд на Крым (хроники, мемуары, дневники XVII – первой половины XIX столетия). Днепропетровск, 2013.

65. Санин А.Г. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М.: Наука, 1987.
66. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884.
67. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 95. СПб., 1895.
68. Сборник императорского русского исторического общества. Т. 106. Бумаги кабинета министров Анны Иоанновны. 1731–1740 гг. Т. II (1733). Юрьев, 1899.
69. Сейит-Яхья Н. Военные действия в Крыму в 1735–1736 годах // *Qasevet*. 2010. №37.
70. Селиверстов Д.А. Сражение при Солхате (Кастадзоне) 22 июня 1434 года // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011.
71. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII веке. Одесса, 1889.
72. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887.
73. Статейный список московского посланника в Крыму Ивана Судакова в 1587–1588 г. // *Известия Таврической ученой архивной комиссии*. Т. 14. Симферополь, 1891.
74. Статейный список стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова, посольства в Крым в 1680 г., для заключения Бакчисарайского договора. Одесса, 1850.
75. Стрийковський М. Літопис польський, литовський, жмудський і всієї Руси. Львів, 2011.
76. Сухоруков В.Д. Историческое описание земли Войска Донского. Т. 2. Новочеркасск, 1872.
77. Тафур Перо. Странствия и путешествия. М.: Индрик, 2006.
78. Тунманн И. Крымское ханство. Симферополь: Таврия, 1991.
79. Тис-Крохмалюк Ю. Бої Хмельницького. Мюнхен, 1954.
80. Уляницкий В.А. Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV–XVI веках. М., 1887.
81. Фаизов С. Первый крымско-запорожский военный союз в статейном списке русских посланников Осипа Прончищева и Рахманина Болдырева (1625) // *Україна в Центрально-Східній Європі*. Вип. 5, 2005.
82. Флетчер. О государстве русском. СПб., 1906.
83. Халим Герай-султан. Розовый куст ханов или История Крыма. Симферополь: РИА «АЯН»; ИД «Стило», 2008.
84. Чухліб Т. Козаки і монархи. Міжнародні відносини ранньомодерної Української держави 1648–1721 рр. К.: Видавництво імені Олени Теліги, 2009.
85. Эварницкий Д.И. Источники для истории запорожских козаков. Т. I. Владимир, 1906.
86. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. Симферополь: Доля, 2008.
87. Юрченко П. Описание Перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин. Жана де Люка, монаха доминиканского ордена (1625) // *Записки Одесского общества истории и древностей*. Т. 11. Одесса, 1879.
88. Bielski M. Kronika polska Marcina Bielskiego. Т. 2. Sanok, 1856.
89. Brian Glyn Williams. The Sultan's Raiders: The Military Role of the Crimean Tatars in the Ottoman Empire. Washington: D.C.: The Jamestown Foundation, 2013.
90. Broel-Plater W.S. Zbiór pamiątek do dziejów polskich. Т. 4. Warszawa, 1858.
91. Broniewski M. Tartariae Descriptio Opis Tatarii / przekład: Ewa Śnieżewska, red. Magdalena Mączyńska. Łódź, 2011.
92. Gawęda M. Wojskowość tatarska w XVII wieku – wymiar taktyczny // „*Rocznik Przemyski*” 2009, R. 45, z. 1: Historia wojskowości.
93. Gliwa A. O wojskowości tatarskiej w epoce nowożytnej i oddziaływaniu koczowników na osiadłą społeczność Rzeczypospolitej // „*Społeczeństwo Staropolskie*”, Seria nowa, t. IV: Społeczeństwo a wojsko. Warszawa, 2015.
94. Grabowski A. Ojczyście spominki w pismach do dziejów dawniej Polski. Т. I. Kraków, 1845.
95. Górka O. Liczebność Tatarów krymskich i ich wojsk // *Przegląd Historyczno-Wojskowy* (1935). Т. 8, zeszyt 2.
96. Czerny F. Panowanie Jana Olbrachta i Aleksandra Jagiellończyków (1492–1506). Kraków, 1871.
97. Desaive D. Gökbilgin Ö. Le khanat de Crimée et les campagnes militaires de l'Empire ottoman: Fin du XVII – début du XVIII siècle, 1687–1736 // *Cahiers du monde russe et soviétique*, 1970. Vol. 11. № 1.
98. Herbst S. Kleck 1506 // *Przegląd Historyczno-Wojskowy* (1934). Т. 7, zeszyt 1.
99. Herbst S. Najazd tatarski 1512 // *Przegląd Historyczny* (1948). Т. 37.
100. Inalcik H. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 3–4, p. 1, 1979–80.
101. Jasnowski J. Dwie relacje z wyprawy Zamoyskiego pod Cecorę w r. 1595 // *Przegląd Historyczno-Wojskowy* (1938). Т. 10, Numer 2.
102. Jerlicz J. Latopisiec albo Kroniczka Joachima Jerlicza. Т. 2. Warszawa, 1858.

103. Kochowski W. *Historia panowania Jana Kazimierza z klimakterów Wespazyana Kochowskiego*. Tom 1. Poznań, 1859.
104. Kraszewski, J.I. *Podróże i poselstwa polskie do Turcji a mianowicie: Podróż E. Otwinowskiego 1557, Jędrzeja Tarnowskiego komornika j. k. m. 1569, i Poselstwo Piotra Zborowskiego 1568*. Kraków, 1860.
105. Kubala L. *Szkice historyczne, serya pierwsza*. Lwów, 1880.
106. *Lettres de Pierre Des Noyers secrétaire de la reine: de Pologne Marie-Louise de Gonzague princesse de Manoue et de Nevers, pour servir a l'histoire de Pologne et de Suède de 1655 a 1659*. Berlin, 1859.
107. Majewski W. *Najazd Tatarów w lutym 1695 r.* // *Studia i Materiały do Historii Wojskowości* (1963). Tom 9, część 1.
108. Michałowski J. *Księga pamiętnicza*. Kraków, 1864.
109. Nykiel Beata K. *Zdrada Bogdana Słupicza w 1551 r. (okoliczności zdobycia Braclawia przez Tatarów)* // *Соціум. Альманах соціальної історії*. Вип. 6. К.: Ін-т історії України НАН України, 2006.
110. Piasecki P. *Kronika Pawła Piaseckiego biskupa przemyskiego*. Kraków, 1870.
111. Podhorodecki L. *Chanat krymski i jego stosunki z Polską w XV–XVIII wieku*. Warszawa: Książka i Wiedza, 1987.
112. Pułaski K. *Stosunki z Mendli-Girejem – chanem Tatarów perekopskich (1469–1515): akta i listy*. Warszawa, 1881.
113. Sękowski J.J. *Collectanea z dziejopisów tureckich: rzeczy do history polskiej służących*. T. I. Warszawa, 1824.
114. Sękowski J.J. *Collectanea z dziejopisów tureckich: rzeczy do history polskiej służących*. T. II. Warszawa, 1825.
115. Sikora R. *Zapomniana armia*. Режим доступа: <http://kresy.pl/kresopedia/zapomniana-armia/>
116. Strykowski M. *Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkich Rusi Macieją Strykowskiego*. Tom 2. Warszawa, 1846.
117. Wolinski J. *Bitwa pod Lwowem 1675 r.* // *Przegląd Historyczno-Wojskowy* (1931). Tom 5, zeszyt 2.
118. Wójcicki Kaz. *Wł. Obrazy starodawne*. Tom 2. Warszawa, 1843.
119. Wójcik Z. *Wojny kozackie w dawnej Polsce*. Kraków: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1989.
120. Żurkowski S. *Żywot Tomasza Zamojskiego*. Lwów, 1860.

Сведения об авторе: Амет-хан Азизович Шейхумеров – аспирант Таврической академии Крымского федерального университета (Симферополь, Российская Федерация); amet.sheykumerov@mail.ru

Organizational Structure of the Crimean Tatar Army (15th–18th centuries)

A.A. Sheykumerov

(Taurian Academy of the Crimean Federal University)

The article considered the components of the army of the Crimean Khanate – the khan guardsmen, nobility's nōkers, ordinary soldiers and servants. The author presented the development and evolution of the khan's guard from the cavalry squads of the nobility who served directly to the khan, to a small regular army that included infantry and artillery units, as well as of its structures, ethnic and social composition. The study emphasizes the important role that the nōkers of the Crimean aristocracy played in the military campaigns of the Khanate, and pays attention to the soldiers' arming who belonged to various units of the Crimean Tatar army. The author gives explanations of the terms "military people", "besh-evli" and "yasaq" which are used in a number of sources with reference to the Crimean Tatar soldiers, and considers the categories of persons belonging to the auxiliary component of the khan's army – grooms, servants who guarded the captives and the property of the soldiers, and those who went to war for robbery. The author comes to the conclusion that the information of some sources about the bad armament of the Crimean soldiers refers to the servants accompanying the army and, as a rule, not participating in the battles.

Keywords: Crimean Khanate, warfare of the Crimean Tatars, armament, history of Eastern Europe, seymens

For citation: Sheykumerov A.A. Organizational Structure of the Crimean Tatar Army (15th–18th centuries). *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya=Golden Horde Civilization*. 2017, no. 10, pp. 321–337.

About the author: Amet-khan A. Sheykumerov – post-graduate student of Taurian Academy of the Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation); amet.sheykumerov@mail.ru